

ANDRE BERNAND, *Alexandrie la Grande*, Arthaud, P., 1966, 382 стр., 28 илл.

Со времени выхода в свет книги Э. Бреччия «Александрия Египетская», выдержавшей два издания — в 1914 и 1922 гг.¹, до недавнего времени не было специальной работы об этом крупнейшем эллинистическом центре, в которой содержался бы достаточно целостный обзор его памятников, раскрытых и изученных к настоящему времени. Заметим также, что обобщающего исследовательского труда, посвященного историческому осмыслению открытых археологами александрийских памятников, нет и по сей день. Между тем систематические публикации результатов раскопок на территории Александрии, проведенных в свое время Д. Ботти, Э. Бреччия, А. Адриани, а также другими исследователями, изучение частных вопросов материальной культуры и отдельных памятников столицы греко-римского Египта — все это делает необходимым создание такой работы.

Книга видного французского исследователя А. Бернана² в известной мере восполняет указанный пробел, охватывая большинство памятников Александрии, раскрытых к настоящему времени, и затрагивая важнейшие проблемы, возникшие в ходе изучения этого крупнейшего центра античного мира.

Оценка научной значимости книги А. Бернана несколько затруднена тем, что на первый взгляд она производит впечатление научно-популярного труда, что связано, по-видимому, скорее с издательскими требованиями, чем с целью написания работы. Это хорошо прослеживается по тексту, в котором нетрудно провести грань между внешней занимательностью, нашедшей выражение главным образом в интригующих названиях отдельных глав, и серьезным систематическим изложением материала.

Книга состоит из вводного раздела, четырех частей, содержащих 18 глав, и заключения. Научный аппарат, охватывающий почти всю существующую литературу по истории и археологии Александрии, помещен в конце книги.

Касаясь значения книги А. Бернана, необходимо в первую очередь подчеркнуть, что она содержит как систематический обзор фактов истории столицы птолемеевского Египта, известных по нарративным источникам, так и очерк от-

крытых к настоящему времени памятников Александрии. Вместе с тем сухой перечень взглядов исследователей без выявления позиции самого автора придает труду А. Бернана вид справочника по важнейшим вопросам истории и культуры Александрии.

В вводном разделе рассматриваются источники по истории города. Помимо хорошо известных в настоящее время в науке сведений античных писателей А. Бернан обращается, пожалуй, первым из исследователей Александрии, к описаниям путешественников XVIII — XIX вв., посетивших Египет. Особое место он отводит многоотомному труду французских ученых, принимавших участие в египетском походе Бонапарта — «Описание Египта», в отдельных частях которого содержится сведения о памятниках Александрии³. Метод сопоставления сведений ученых и путешественников прошлого с данными археологических исследований, успешно примененный А. Бернаном, безусловно важен, так как значительное число памятников Александрии либо погибло целиком, либо повреждено строительными работами середины и конца XIX в. Вводный раздел содержит также критический обзор исторических карт Александрии, составленным которых стали заниматься с XVII в. Однако еще и сегодня нет достаточно надежной исторической карты Александрии, в которой были бы согласованы свидетельства древних источников с данными археологических раскопок и сеткой современных улиц. Поэтому за основу создания такой карты в наши дни нередко берется карта Махмуда эль-Фалаки, составленная в 1866 г.! Автором приведены убедительные доводы о назревшей необходимости создания единой археологической карты Александрии с учетом последних научных достижений в исследовании города. Столь же важно, по его мнению, и создание единого свода надписей греко-римской эпохи, открытых на территории Александрии либо со времени известной публикации Э. Бреччия⁴ корпуса греческих и латинских надписей прошел значительный срок, тогда как александрийский лепидарий пополнился многими новыми находками.

Краткий обзор археологического изучения Александрии, который А. Бернан начинает с эпохи случайных, а порой и

¹ E. Breccia, *Alexandria ad Aegyptum*, Bergamo, 1914 (на франц. яз.), 1922 (на англ. яз.).

² Перу того же автора принадлежит опубликованный недавно труд: A. Bernand, *Les inscriptions grecques de Philae. I. Epoque ptolemaïque*, P., 1969.

³ *Description de l'Égypte, Antiquités, Description*, т. 2, P., 1818, гл. XXVI, стр. 1—95.

⁴ E. Breccia, *Iscrizioni Greche e Latine*, Le Caire, 1911.

хищнических раскопок XIX в. и завершает последними работами под руководством А. Рида, является наиболее обстоятельным из написанных за последнее время подобных очерков⁵.

В первой части книги «Основание Александрии» (главы I—III) много страниц посвящено рассмотрению природных условий той части дельты Нила, где была основана Александрия. Впервые в научной литературе столь детально и со всех точек зрения рассмотрены особенности природы Александрии. Приведены данные естественно-научных и гидрографических исследований окрестностей города, сопоставленные как со сведениями древних авторов, так и с описаниями ученых и путешественников XVIII—XIX вв. В одной из глав приведены сведения об акватории прибрежной полосы Александрии и ее портов, почерпнутые из публикации исследований, проведенных Г. Жонде в 1910 и 1915 гг.⁶

Характеризуя топографию города, А. Бернан большое значение придает системе каналов и внутренних водных коммуникаций Александрии. За основу взяты результаты современных обследований и материалы изучения древних водосмов, полученные благодаря исследованиям ученых французской военной экспедиции Бонапарта⁷.

Однако в оценку природной среды Александрии автор вносит элемент субъективизма, как нам представляется, в целях большей занимательности. Так, он пишет о египетском побережье, небезопасном порою для первых греческих поселенцев, о трудностях в снабжении раннего поселения питьевой водой, о плохом климате из-за близости болотистого озера Мареотиды и т. п. Некоторые разделы одной из глав первой части названы: «Негостеприимный берег», «Бесплодие почвы, отдаленность реки», «Дерзость Александра», а глава I — «Вызов природным условиям». Между тем хорошо известно, что античные авторы считали, что Александрия и ее окрестности среди других районов Дельты выделялись наиболее благоприятным климатом, а береговая полоса — лучший на всем египетском берегу участок для стоянки судов. Последнее признает и сам автор, высоко оценивающий выгоды стратегического положения Александрии, удобства ее портов и преимущества рейда. А. Бер-

нан полагает, что главной причиной, побудившей Александра основать город на берегу Канопского рукава устья Нила, было его выгоднейшее географическое положение. Автор приводит мнение Р. Вайля (которое сразу же отвергает), что на о-ве Фаросе были доэллинистические сооружения, построенные критянами. Хотя гипотезу Р. Вайля⁸ опроверг в свое время также и Ж. Веркутте⁹, ее появление нетрудно понять: Фарос — слишком удобное место для стоянки судов и естественны попытки использовать остров с этой целью в доалександрийский период.

Таким образом, весь круг поставленных А. Бернаном проблем в связи с основанием Александрии охватывает различные точки зрения на причины и условия основания города, на фоне которых ясен вывод самого автора: город был основан Александром из стратегических соображений при максимальном использовании выгодного географического положения пункта. И только одно выглядит преувеличенным — неблагоприятные природные условия.

Одна из глав первой части (гл. III) посвящена рассмотрению топографии Александрии. Мысль А. Бернана, что древние александрийские улицы более известны по трудам античных писателей, чем по данным археологических раскопок, подтверждается всем ходом археологического изучения Александрии. Действительно, древний город перекрыт современными кварталами, почти полностью разрушен строительной деятельностью в средние века и новое время, поэтому только частично путем зондажей в местах нового строительства можно открыть небольшие участки древних улиц. А. Бернан подробно рассматривает взгляды исследователей, делавших попытки отыскать на территории современного города направление древних улиц. Первая попытка выяснить протяженность и направление основных улиц древнего города, предпринятая в 1865 г. Махмудом эль-Фалаки на основе собственных зондажей, была подвергнута критике Д. Г. Хогартом, Ф. Ноаком, Д. Ботти и позднее Э. Бречина, также проводившим раскопочные работы непосредственно на территории города¹⁰.

⁸ R. Weill, Les Ports antehelléniques de la côte d'Alexandrie et l'Empire crétois, «Bull. Inst. fr. arch. orient. Caïre», XVI, Le Caire, 1919, стр. 1—37.

⁹ J. Vercoutter, L'Égypte et le Monde égéen préhellénique, P., 1956, стр. 18.

¹⁰ M. Mahmoud bey, Mémoire sur l'antiquité d'Alexandrie, 1872, стр. 18—22; D. G. Hogarth and E. F. Benson, Report on Prospects of Research in Alexandria, Egypte Expl. Fund, Archaeolog. Report, III, L., 1894—1895,

⁵ Например, весьма краткий обзор истории археологических раскопок в Александрии помещен в книге В. R. Brown, Ptolemaic Paintings and Mosaics and the Alexandrian Style, Camb. Mass., 1957, стр. 13 сл.

⁶ G. Jondet, Les Ports submergés de l'ancien île de Pharos, Mem. Inst. Eg. Le Caire, IX, 1916, стр. 1—96.

⁷ Saint-Genis, Descr. Eg., Texte. Ant., Descr., т. 2, P., 1818, стр. 86.

В регулярной планировке, характере застройки, во всем величии города, о котором с восхищением писали древние авторы, А. Бернан видит египетское влияние, как он полагает, идущее от планировки столицы Эхнатона — Ахетатона. Подобное утверждение автора едва ли может быть воспринято всерьез. Об эллинических традициях, примененных в планировке Александрии, пишут Арриан (Arr., III, 1,5) и Кв. Курций Руф (Curt. Ruf., IV, 8,6). По текстам Витрувия (Vitruv., II, 1—5) и Страбона (Strab., XVII, 793, 8) мы узнаем о широком использовании в Александрии принципов Гипподамовой планировки.

Рассуждать о египетском влиянии на культуру Александрии так, как это делает А. Бернан, вне сложного процесса взаимодействия двух цивилизаций — эллинской и египетской, нельзя. Соотношение и взаимодействие двух культур возможно понять, выделив хронологические этапы этого процесса, рассмотрев в рамках указанной хронологии группы археологического материала, важнейшее место в котором занимают александрийские некрополи. Отметим, что в науке этот процесс исследовался пока применительно к отдельным памятникам¹¹, однако в целом, в аспекте эллинистического или римского периодов истории Египта и, в частности Александрии, по сей день так и остался нерешенным.

Вторая часть книги, названная автором «Картины жизни Александрии», непосредственно связана с четвертой частью — «События истории Александрии». Поэтому целесообразно рассмотреть вместе обе части. Здесь автор попытался по существующим литературным и археологическим источникам представить облик известных по упоминаниям древних авторов общественных зданий, отдельных районов, деловую жизнь и быт Александрии греко-римской поры. Осветить в двух разделах почти все аспекты истории Александрии — задача, естественно, невыполнимая в объеме одной книги. Сознвая это, автор предельно лаконичен в изложении содержания глав: он скорее приводит перечень проблем и существующих в науке взглядов, не предлагая собственного их решения. В двух названных разделах особенно отчетливо виден справочный характер труда, охватывающего все сферы жизни крупней-

стр. 1—33; F. N o a s k, Neue Untersuchungen in Alexandria, Athenische Mitteilungen, В., 1900, стр. 215 сл.; G. B o t t i, Plan de la ville d'Alexandrie, Alexandria, 1898, стр. 1—138; B r e s s i a, Alexandria ..., стр. 61—65.

¹¹ Например, в известной мере некрополь Мустафа Паша. См. A. A d r i a n i, La nécropole de Moustafa Pacha, Annuaire du Musée Gréco-Romain (1933—1934—1934—1935), Alexandrie, 1936.

шего эллинистического центра от его основания до событий 295 г. н. э., связанных с подавлением Диоклетианом восстания в Египте.

Главы второй части (IV—IX) последовательно излагают все существующие сведения, включая материалы раскопок и свидетельства путешественников XVIII—XIX вв., мнения современных исследователей о Фаросе, музее, библиотеке, храмах и многих других сооружениях греко-римского периода Александрии: гимназий, театр, амфитеатр, ипподром и т. д. Указанному повествованию предшествует глава «Прогулка со Страбоном», которая содержит любопытный анализ текста Страбона в сопоставлении с описаниями Г. Ф. Вольнея¹², В. Денона¹³ и Ф. Шампольона¹⁴. В результате складывается яркая картина исторической топографии города.

В одной из глав (IV) приведен список общественных зданий от времени Птолемея II до Птолемея XII, в котором выдержана хронологическая последовательность сооружений. Автор проделал полезную и трудную работу, максимально используя эпиграфический материал, который во многом восполняет и конкретизирует наши знания о строительной деятельности в Александрии в эллинистическую эпоху. Ту же работу проделал А. Бернан и для римского времени.

Обзор построек эллинистическо-римской эпохи А. Бернан предвзвешивает сведениями, почерпнутыми у древних авторов, о физико-географических переменах, происходивших на территории города: оползнях, размывах берега и т. п.

Четвертая часть книги «События истории Александрии» (главы XV—XVIII) помимо рассмотрения наиболее ярких фактов истории греко-римского Египта, как, например, Александрийская война, содержит ценную сводку фактов и проблем, связанных с населением Египта, ее ремесленным производством и бытом.

В XV главе книги рассматриваются вопросы истории иудейской колонии Александрии и материалы, связанные с военным поселением наемников-иудеев на о-ве Элефантине.

В следующей главе четвертой части труда А. Бернана «Всемирный рынок» (глава XVI) рассмотрены вопросы александрийской торговли и ремесла. Касаясь торговой деятельности Александрии, автор противопоставляет ее стране в целом, доказывая, что Александрия была

¹² G.-F. V o l n e y, Voyage en Syrie et en Egypte, I, P., 1807, стр. 4—8.

¹³ V. D e n o n, Voyage dans la basse et la haute Egypte, I, P., 1803, стр. 38—42, 49.

¹⁴ F. C h a m p o l l i o n, Lettres écrites d'Egypte et de Nubie, P., 1868, стр. 28—32.

более связана со Средиземноморьем, чем с Египтом. Эта мысль, на наш взгляд, не может быть принята так, как она высказана А. Бернаном. Безусловно, на протяжении эллинистической и римской эпох Александрия — крупнейший порт античного мира, а ее торговая деятельность направлена прежде всего в средиземноморские центры, но что касается культурных контактов, то картина менялась в ходе исторического процесса. Если в III—II вв. до н. э. облик материальной культуры населения Александрии в своей основе был эллинским, то с конца эллинистического периода и особенно в римское время культурная связь Александрии с хорой определяется усиленным процессом египтизации всех аспектов ее материальной культуры, хотя эллинские формы и не изживаются окончательно.

Таким образом, разбирая контакты столицы Египта и хоры, необходимо четко разграничить аспекты сопоставления: экономический и культурный, а пути их не всегда совпадают.

Пытаясь отыскать в исторической топографии города следы былой экономической мощи Александрии, автор достигает определенного успеха. Страбоновы описания гаваней и доков, прибрежных торговых районов Александрии автор сопоставляет с описаниями Сен-Жени¹⁵⁻¹⁶, наблюдавшего эти районы арабской Искандерии в конце XVIII в., за столетие до начала строительства, уничтожившего почти все видимые остатки античных построек. Используя нарративные источники, главным образом «Bellum Alexandrinum» Цезаря, автор приводит описание александрийских верфей и различных торговых сооружений.

Много места уделено александрийским ремеслам. На основе папирологических данных А. Бернан выясняет, в каких районах города находились те или иные мастерские. Так, например, ювелирные мастерские и хлебопекарни с лавками отмечаются в квартале «В», особенно много мастерских в квартале «Д». Убедительным выглядит сравнение ремесленных кварталов Александрии с современными торгово-ремесленными кварталами, где специализация ремесла определяется по улицам. В книге приведен краткий очерк александрийских ремесел: стекольного, керамического, торевтики, текстильного и папирусного. Автор опирается на последние данные, включая археологические и папирологические источники. Подобный обзор александрийского ремесла, безусловно, обязателен в характеристике такого крупнейшего ремесленного центра древности, каким была Александрия.

Особенно удачным получился раздел главы, посвященный торевтике. Бернан учитывает все основные этапы ее развития, начиная от наиболее раннего, представленного великолепными находками серебряных изделий из Тух эль-Гармус, включая известные гипсовые слепки из Мит-Раины и изделия из серебра римской эпохи. Ценным следует признать и обзор текстильного производства. К сожалению, автор не учел ряд грудов по текстильному производству Александрии и среди них работу нашего соотечественника М. И. Хвостова¹⁷ и сравнительно недавно опубликованный труд М. Марзук¹⁸.

В обзоре керамического производства Бернан упускает работу Л. Гверрини¹⁹, посвященную керамике Гадра. Указанный обзор автор строит, опираясь на богатые по материалу, но вместе с тем во многих отношениях устаревшие по своим выводам труды. Так, например, в книге А. Бернана содержится ошибочное утверждение, что из двух групп ваз Гадра (чернофигурные и полихромные) вторая позднее первой, тогда как обе группы ваз одновременны.

Две последующие главы IV части — «Александрийская война» и «Наслаждения Канопы» (главы XVIII и XIX) — очевидная дань манере, сложившейся в научно-популярной литературе об эллинистическом Египте, изображать яркие картины блестящей, наполненной празднествами, процессиями и театральными представлениями жизни одного из наиболее крупных городов античного мира.

Глава «Александрийская война», написанная ярко и живо, передает события, связанные с захватом Александрии Цезарем в 48—47 гг. до н. э. Едва ли не по дням излагая пребывание Цезаря в Александрии в той мере, как это позволяет источник²⁰, А. Бернан в пределах собственных ограничений дает точную картину, в изложении которой не смог избежать некоторой риторичности.

Глава «Наслаждения Канопы» содержит описание быта александрийцев, причем исследователь не сводит все к беллетристической стороне изложения, а приводит источники, иллюстрирующие повседневную жизнь александрийцев, особо выделив их увеселения. Указанные источники содержат сведения, обогащающие наши представления о культуре Александрии и греко-римского Египта

¹⁷ М. Х в о с т о в, Текстильная промышленность в греко-римском Египте, Казань, 1914.

¹⁸ M. A. A. M a r z o u k, Alexandria as a Textile Centre 331 B. C.— 1517 A. D., «Bulletin de la Société d'Archéologie Copte», XIII, Le Caire, 1951.

¹⁹ L. G u e r r i n i, Vasi di Hadra, «Studi Miscellanei», 8, Spoleto, 1964.

²⁰ C a e s., Bell. Alex. 1—78.

¹⁵⁻¹⁶ S a i n t - G e n i s, Description de l'Égypte, Texte, Antiquités, Description, P., 1818, гл. XXVI, стр. 33—35.

в целом. Здесь и известная процессия времен Птолемея II Филадельфа, описанная Афинеем со ссылкой на Калликсения Родосского²¹, и папирологические материалы о некоторых профессиях музыкантов в Египте и почетные декреты в честь лучших актеров на дionисийских празднествах, из которых мы узнаем о существовании в Египте эллинистической эпохи ассоциаций артистов-музыкантов.

По данным эпитафий, сведениям, почерпнутым из литературных источников, привлекаемая анализ терракот и бронзовых статуэток, автор характеризует агоны в Александрии эллинистического времени. Нарисованная А. Бернаном картина дает дополнительные штрихи, лишней раз подчеркивающие типично эллинистический уклад жизни столицы Птолемея. Однако, не ставя специальной цели выявить этапы в развитии контактов греческой и египетской культуры в Египте, автор не пытается установить особенности александрийских агонов в римское время. Материал об агонах в Александрии собран в специальном разделе главы и относится главным образом к эллинистическому периоду.

Третья часть книги А. Бернана, названная «Город мертвых» (X — XIV главы), посвящена александрийским некрополям.

Возможности исследования некрополей Александрии определяются их прекрасной сохранностью, особенно по сравнению с городскими кварталами, разрушенными поздним строительством. К тому моменту, когда современная Александрия вышла за черту столицы Птолемея и приблизилась к границам древних некрополей на западной и восточной окраинах города, ее археологическое изучение уже контролировалось основанным в 1892 г. Греко-Римским музеем. Поэтому материалы некрополей тщательно изучались, а сами памятники там, где это оказывалось возможным, консервировались.

Несмотря на многочисленные публикации отдельных александрийских некрополей, предпринятые Греко-Римским музеем, до сих пор еще нет труда, посвященного их историческому осмыслению, за исключением нескольких исследованных различных групп памятников, открытых в некрополях (например упомянутые выше работы Б. Браун и Л. Гверрини). Нет также и работы, охватывающей все известные александрийские некрополи или отдельные серии их, объединенные в хронологические группы²².

²¹ A t h e n., *Deipnosoph.* V, 199. d—e.

²² Исключением составляет книга Р. Пагенштехера, но она охватывала материалы раскопок до первой мировой войны — R. P a g e n s t e c h e r, *Necropolis*, Lpz., 1919.

В рассматриваемой главе А. Бернан в какой-то мере приблизился к осуществлению этой задачи, включив в текст книги описание большей части известных некрополей Александрии. Следуя сложившейся традиции в классификации александрийских некрополей, А. Бернан делит их на три группы: восточные, западные и некрополи о-ва Фароса. Рассмотрение некрополей он начинает с западной группы, относящейся к позднееллинистической и римской эпохам. Так же как и Э. Бречча, автор справедливо полагает, что Страбон писал только о западных некрополях, ибо восточные некрополи и некрополи о-ва Фароса в конце эллинистической эпохи были заброшены. Катакомбам Ком эль-Шукафа, относящимся к римскому периоду, уделено особое внимание. Автор подробно описывает трехъярусные подземные гробницы, где отчетливо прослеживается синтез греческой и египетской архитектуры, столь характерный для римской Александрии.

В обзоре западных некрополей в числе прочих материалов Бернан пользуется свидетельствами известного французского минералога Д. Доломье, побывавшего в Египте в 1798—1799 гг. и составившего любопытные описания окрестностей Александрии, включая некрополи.

Подземные гробницы некрополя Сук эль-Вардиан, открытые французской экспедицией в 1798 г., изучавшиеся и позднее — в 1896 г. и 1953 г., долгое время служат объектом дискуссии о характере их архитектурного оформления. Автор анализирует взгляды Р. Пагенштехера, писавшего о резкой египтизации, проявившейся в архитектурном решении всего комплекса, и И. Ноши, говорившего, наоборот, о типично греческой системе оформления некрополя. Автор связывает архитектурный стиль некрополя с катакомбами Ком эль-Шукафа и датирует его временем, более поздним, чем И. Ноши, — I в. н. э.

Подробно рассмотрены самые ранние александрийские некрополи — восточные. Свой обзор А. Бернан начинает с древнейшего некрополя Шатби, раскопки которого дали любопытные образцы расписных стел и ранние варианты подземных гробниц, получивших в дальнейшем распространение в погребальной архитектуре Александрии. Автор ищет и о близком по времени некрополе Ибрагимие, где наряду с обычными греческими погребениями встречены захоронения членов иудейской политемы Александрии с арамейскими надписями. Особо выделены погребения наемников. Хронологическая последовательность в рассмотрении восточных некрополей прервана разделом, посвященным комплексу Сиди-Габер, датируемому I—II вв. н. э. А затем автор вновь возвращается к эллинистическим некрополям,

следующим по времени за Шатби и Ибрагимие. Некрополи Мустафа Папа (вторая половина — конец III в. до н. э.) и Гадра, состоящий из нескольких некрополей, относящихся к различным периодам III в. до н. э., завершают картину восточных эллинистических некрополей Александрии.

Отдельная глава (XVI) посвящена гробнице Александра Македонского. Глава эта содержит обзор материалов раскопок той части города, где, как предполагается, находилась гробница основателя Александрии.

Таким образом, А. Бернан в своей работе проделал первое обобщение результатов изучения большинства открытых к настоящему времени некрополей Александрии. Обзор его, не считая отдельных упущений, достаточно полный. Однако не упомянуты некрополь Минет эль-Бассаль и некрополь из окрестностей Александрии Плитин (Ком эль-Нукус).

Вместе с тем при таком охвате обширного материала исследовательский элемент, естественно, сужен, хотя стиль научно-популярного труда в этом разделе книги оказался менее всего. Поэтому одна из проблем, встающих перед исследователем, имеющим дело с александрийскими некрополями, — взаимодействие греческого и египетского начал, — не наша должного решения на страницах книги. Автор рассуждает о специфике погребальных памятников Александрии, в оформлении которых сказываются признаки смещения греческих и египетских верований. Но этого недостаточно, чтобы решать вопросы о контактах двух культур, ибо, например, в раннеэллинистических некрополях мы не видим значительных египетских влияний, тогда как некрополи римского времени дают образцы органического сплава обеих культур. Между тем проблемы контактов и взаимодействия греческой и египетской культур вытекают из подобного обзора александрийских некрополей, ибо дина-

мика этого взаимодействия особенно ярко просматривается при хронологическом сопоставлении некрополей.

А. Бернан, не преследуя специально этой задачи, возможно, именно поэтому в обзоре некрополей отступил от хронологического принципа. Сначала он рассмотрел более поздние западные некрополи, затем несколько более ранние некрополи о-ва Фароса и, наконец, некрополи III в. до н. э. — восточные.

Несмотря на то, что историческое осмысление материалов некрополей автор свел к минимуму, эту часть его труда следует признать наиболее удачной благодаря ее полноте и богатству справочного материала.

В заключительной части книги исследователь обращается к сложной проблеме специфики культуры Александрии Египетской в греко-римскую эпоху. А. Бернан поддерживает устоявшееся в науке мнение, согласно которому особенности культуры Александрии складывались в смешанной греко-египетской среде, хотя он и не раскрывает динамики ее исторического развития.

Обращаясь к книге А. Бернана как к ценному во многих отношениях труду, необходимо учитывать, что одно сочинение, сколь бы всеохватывающим оно ни было, не может решить все вопросы, возникшие в ходе изучения культуры Александрии Египетской. Следует полностью присоединиться к мнению автора, высказанному им во вступительной части книги (стр. 23), что подобная работа может быть наиболее успешной при комплексном использовании труда различных специалистов: историков, археологов, искусствоведов, эпиграфистов.

Большая ценность книги А. Бернана, представляющей собой одно из наиболее значительных за последнее время обобщений проблем истории культуры Александрии Египетской, не подлежит сомнению.

И. Г. Шурга